

НАША СТРАНА

Год издания – 67-й. Буэнос Айрес, 1 ноября 2014

“NUESTRO PAIS”

Buenos Aires, sábado 1 noviembre de 2014 № 3000

Николай Казанцев

ТРИ ТЫСЯЧИ НОМЕРОВ

Иван Лукьянович Солоневич

Шестьдесят шесть лет тому назад родилась газета «Наша Страна».

Среди разрухи и растерянности послевоенных лет, писатель Иван Лукьянович Солоневич, осознавая необходимость свободного печатного органа, отстаивающего русскую традиционную форму правления, выпустил её первый номер.

Так, как спускают корабль - в море и неизвестность. И вот теперь корабль русской независимой монархической мысли свершает свой уже трёхтысячный рейс и дальше плывёт среди рифов и мели, хвалясь не силой, а правдой. Уходят одни сотрудники, приходят другие - смена с сменой мы продолжаем служить нашему народу, защищая его право на освобождение от унижительной советчины и на возвращение к своему испробованному почвенному пути.

«Наша Страна» - не орган какой-либо партии. Позиции «Нашей Страны», как таковой, отражаются только в передовых статьях. Другие материалы не всегда совпадают с ними. Эта особенность удивляет, а порою и возмущает людей «оттуда». Многим из них, приученным советским режимом к нетерпимости, трудно допустить инакомыслие. Я же верю, что честные взгляды нельзя таить,

даже если они нам и не по душе. Чудесно само существование нашей независимой газеты, её значение не только для белых эмигрантов, но и для многих людей в России.

Какими средствами располагает, сколькими журналистами и чиновниками обслуживается, скажем, газета «Известия», - и как мало нас! И всё же, несмотря на наши огромные недочёты, насколько более важное дело творит «Наша Страна», служа Вере, Царю и Отечеству.

ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ

Я никогда не мог понять, как можно мужчине жить на свете, не поставив перед собой какую-нибудь благородную и сложно достижимую задачу. Для чего же тогда существовать? Ведь низко и мелко целить - стыдно.

Посему, с младых ногтей, определяя смысл жизни, я отдал предпочтение трудному, - многие скажут, утопическому - а не легкому выбору. Выбору напрягающему, а не расслабляющему. Путь под горку, а не по накатанной колее - путь служения, долженствующего привести к освобождению России от советчины и восстановлению в ней монархии. И редактирование «Нашей Страны», на которую я подписался в 14-летнем возрасте, мне виделось в юности как один из этапов этого пути.

Однако человек только предполагает... Редактирование оказалось не этапом, а делом всей жизни. Что касается высокой цели, увы, она по сей день не достигнута и кажется всё более отдалённой. Но в нашем бренном бытии важен не успех, а только лишь - само служение.

Из вышедших в свет трёх тысяч номеров «Нашей Страны», я имел счастье редактировать более двух тысяч. Из 66-ти лет существования газеты, - кстати, я её ровесник, - 47 приходится на моё редакторство.

Однако поскольку я, как правило, избегал это обстоятельство особо афишировать, иные исследователи были введены в заблуждение. Так, например, многоуважаемая М. А. Кублицкая в своей ценной работе «Русская периодическая печать в Аргентине в XX веке» («Кадетская Перекличка», Нью Йорк, № 78 за 2007 год) утверждает, что я стал редактором «Нашей Страны» лишь с 1993 года. (Она в этой ошибке в общем-то не виновата, так как стала жертвой дезинформации редактора сего журнала, "красного кадета" И. Андрушкевича; меня же в 2007 году в Буэнос Айресе не было).

Мария Александровна упустила из виду, что ещё в 1969 году, в заметке юбилейного, 1000-го номера, издательница газеты Т. В. Дубровская писала обо мне: «с недавнего времени член редакции...».

Это её сообщение тогда вызвало отклики в эмигрантской прессе. Так, редактор джорданвилльского журнала «Православная Русь»,

архимандрит Константин (Зайцев), воспроизвел сию информацию в отделе «Короткие сообщения» и сопроводил словами «Бог в помощь!» (Почти пол века спустя можно констатировать, что эта помощь действительно была ниспослана...).

И даже отнюдь не белая, и не монархическая ньюйоркская ежедневная газета «Новое Русское Слово» отозвалась на новость в своей хронике с подзаголовком «22-летний редактор».

ХРОНИКА

ФОНД СРОЧНОЙ ПОМОЩИ
В Фонд Срочной Помощи поступили следующие пожертвования:
Н. Н. для наиболее нуждающихся - 5 долл.
Е. Попов - 25 долларов наличными соратника по первому изданию «Нашей Страны» Паша Федоровича Бессмертного - на постройку храма в Бразилии.
О. Д. - на постройку храма в Бразилии - 10 долл.
Н. и М. Долгорукие - вместо цветов на могилу Анны Ефимовны Жолондской - 5 долл.
Чета Пешинских - вместо цветов на могилу Н. А. Ковуры - в пользу Детского общества в Тайбейе - 10 долл.
В. и Ф. Кольчидины - вместо цветов на могилу М. Каргузиной - 5 долл. эфронан монетам.

В ФИЛАДЕЛФИИ
В наступившем сезоне 1970-71 года «Красная Русь» и «Русская Культура» редактор Д. Р. Н. Б. Бланкова. В концертном зале выступит ансамбль «Красная Русь» в новой программе: «Русская Русь» и «Землянка». В народном ансамбле «Красная Русь» выступит С. В. Мюллер. Уникал Э. Р. Зубович. Подробности в объявлении.

Нью Йорк: Фонд Фигурский
96 Риверсайд Драйв, Катонна Ню-Йорк - 227 Ист 79 улицы, Олмстед Н. Р. Д. 4, Олд Нью-Йорк, Соменца, Н. Джерси, Анна Павлова - 300 West 78 ул.

Собрания этих лет хронике в отделе банка, Бродвей и 6 avenue у 38 улицы.
Мария Шалкина - 183 Вашингтон Роуд Нью-Йорк, Нью-Йорк - в отделе банка - 8 West 57 улицы.
Геня Джукано - 48 Ист 51 ул. - в отделе банка 215 Madison avenue.
Ольга Христина - 715 Ист Дивизион стрит, Элизабет, Н. Дж. - в отделе банка на 14 ул. и Шестом авеню.

22-ЛЕТНИЙ РЕДАКТОР
Выходящая в Буэнос Айресе ежедневная газета «Наша Страна» редактор-подполковник Т. В. Дубровской, в номере от 4 августа исполнилось 22 года - студент.

«По существу,» сказано в уведомлении русских и англоязычных редакторов Т. В. Дубровской, «это не является нововведением. Обязанности и работу редактора Николай Казанцев выполняет в течение уже почти трех лет».

Заметка ньюйоркской газеты «Новое Русское Слово»

М. А. Кублицкая также обошла своим вниманием сообщение Т. В. Дубровской под заглавием «Со-Редактор в «НС» 1067 от 4 августа 1970, гласящее: «На последней странице сегодняшнего номера опубликован список постоянных сотрудников «Нашей Страны». Там же впервые 22-летний студент Николай Казанцев назван со-редактором газеты. По существу, это не является нововведением. Обязанности и работу со-редактора Николай Казанцев негласно исполняет уже в течение почти трех лет».

МОЛОКОСОС

По этому поводу, известный общественно-политический деятель С. Л. Войцеховский писал Татьяне Владимировне 8-го августа 1970-го года: «Пожалуйста, скажите Н. Л. Казанцеву, что я очень рад появлению его имени в «Нашей Стране, как её со-редактора. Желаю ему удачи на трудном и неблагодарном поприще зарубежного журналиста. С его способностями, он должен на нём выдвинуться. Вам же желаю возможно чаще привлекать его не только к редакционной, но и к публицистической работе».

Я, конечно, сознаю, что приводить лестные отзывы покойных сотрудников обо мне, равно как и ныне здравствующих о. Германа Иванова-Тринадцатого и Георгия Михайловича Солдатов, весьма нескромно с моей стороны. Я их не заслужил. Но я также не заслужил

и помой, которые в последнее время в особом изобилии изливаются на мою персону. Так что будем считать, что одно уравновешивается другим. (Дай Боже когда-нибудь достичь пушкинское «хвалу и клевету приемли равнодушно»).

Т. В. Дубровская поручила мне редактирование газеты в конце 1967 года, после того как я ей преподнес ряд идей, пожеланий, материалов.

О нашей первой встрече она писала С. В. Гротову-Сигристу («Алексеем Ростову») 31 мая 1967 года: «На днях у меня был Н. Казанцев. Не хочу приходить в слишком бурный восторг, чтобы потом у меня не было разочарования, но должна признаться, что произвел он на меня очень, очень хорошее впечатление, Во-первых, по-русски говорит, как мы с Вами. Надо признать, - и это все признают, - что дети русской эмиграции из Югославии владеют русским языком в совершенстве, без всякого акцента и грамотно, что нельзя сказать об эмиграции из Франции или США. Во-вторых, он в высшей степени воспитанный, выдержанный и держит себя удивительно: и просто и подтянуто. Он совсем не застенчив, что присуще такого возраста молодым людям, но спокойной серьёзен».

Татьяна Владимировна сохранила за собой финансовую и техническую сторону издания, (которой я всегда чурался), как в последствие сделал и унаследовавший «Нашу Страну» в 1982 году её брат, М. В. Киреев.

В письме Валентине Богдан от 15 мая 1979 сотрудник газеты А. Г. Макриди касался меня: «Он как огня боится каких-либо финансовых дел и близко к ним не подходит, никогда не покушался на издательские средства, хотя бы для почтовых расходов».

Я не хотел моё редакторское амплу подчеркивать а, наоборот, его стужёвывал - по трём причинам.

Во-первых, я старался быть деликатным по отношению к Татьяне Владимировне. Ибо как только просочились сведения о моём редакторстве, на неё обрушились с критикой даже самые близкие к

ней лица, о чём она благодушно со мной делилась. «Как Ты можешь слушать такого молокососа!», сердилась одна из её лучших подруг.

И я не хотел вызывать ревность или зависть со стороны старых сотрудников. (К сожалению, эти чувства возникали всё равно. Так, в письме мне из Нью Йорка от 20 октября 1971 года, С. Л. Войцеховский отмечал: «Разговор с сотрудником «НС» Чуриловым-Кусаковым во время пресс-конференции в Синоде и его речь в открытом собрании посвященном 50-летию Зарубежной Церкви, мне очень не понравились. Объясняю его враждебное отношение к Вам завистью, усугублённую вашей молодостью»). Что не мешало мне дальше благожелательно относиться к Кусакову и даже заказать его портрет к 50-летию газеты. Увы, не он один, среди сотрудников, поддавался чувству зависти).

Во-вторых, я не торопился выпячивать моё имя, так как желал сперва достичь удовлетворительного для меня уровня профессионализма (хотя и до сих пор я им не доволен).

В-третьих, - и это было самым главным, - памятуя о том, что стряслось с Иваном Солоневичем и зная, что бич доносительства живуч в эмигрантской среде, я избегал слишком уж «засветиться».

Донесут, что я мол реакционер и фашист – не только никакой карьеры после подобной клеветы в аргентинской журналистике не сделаешь, но и даже пропитание собственной семьи поставишь под удар. А к работе в местной прессе я решительно стремился, после того как мне не удалось поступить в военное училище, доступное в ту пору только уроженцам Аргентины. Я же увидел свет в лагере Парш, в Зальцбурге, и меня родители привезли в Буэнос Айрес пятидесятилетним.

Т. В. Дубровская и я, в Доме Русских Белых в Аргентине.

По всем этим причинам, (с третьей из них я считался вплоть до 93-го года) я чаще всего не подписывал мои материалы, или употреблял псевдонимы. В частности это касалось сведений из СССР, получаемых нами от сотрудника мюнхенского Радио Свобода, «тайного» монархиста Георгия Ивановича Бутова, которые я обрабатывал и затем помещал в газете под псевдонимом "О. Никитин" и другими.

Сперва все материалы для «НС» по инерции шли на адрес Татьяны Владимировны и она их раз в неделю мне передавала. А затем, она попросила сотрудников общаться непосредственно со мной, как это засвидетельствовано, в частности, в её письме Г. И. Бутову от 16 июня 1971: «Материал, который Вы мне до сих пор присылали на мой домашний адрес, прошу Вас посылать по адресу со-редактора газеты Николая Леонидовича Казанцева... Уже несколько лет Н. Казанцев является сотрудником газеты и её со-редактором. Ему 23 года, но по его статьям можно предположить,

что ему гораздо более 30-ти. Весь материал газеты правит он».

Таким образом я стал заведовать связью с сотрудниками, решать какие материалы печатать и какие нет, привлекать новых лиц к сотрудничеству (в том числе И. Андрушкевича, ныне этот факт отвергающего). Стал знакомиться с незаурядными лицами, нередко скрывающимися под псевдонимами.

Так я узнал, что Ламберт это тот же Макриди – он взял имя своего дяди погибшего в начале революции в борьбе с большевиками. И Макриди мне писал, что сей псевдоним, равно как и «Собакин» для фельетонов, служил не для сокрытия настоящего имени, а для подписи публицистических выступлений. Он по старинке считал, что каждый вид газетной деятельности должен иметь отдельное имя. Подписывался же он настоящим именем там, где статья являлась отработанной стенограммой доклада, сделанного под его настоящей фамилией.

ПРОТИВ ЛИЗОБЛЮДСТВА

С Т. В. Дубровской мы сразу нашли общий язык. В частности, мы одинаково тяготились навязанным «Алексеем Ростовым» (С. В. Гротовым-Сигристом) умиравшему издателю газеты В. К. Дубровскому подхалимским стилем по отношению ко князю Владимиру Кирилловичу, величаемого «Государем», - и им самим: его поведение нас обоих возмущало.

В древней Руси, до образования московского государства, три слова означали владетельное положение человека, это – господин, государь и государь. При Василии Тёмном уже слово Государь стало входить, и при Василии Третьем твёрдо вошло, в политический обиход, присвоенное самодержцами. Великие Князья удельного периода, разумеется, именовались все Государями, но после централизации монархической власти, Государем стал именоваться только Царь, с Петра Первого – Император.

Император Павел Первый разработал и уточнил права и привилегии Великих Князей, каковыми стали почитаться только дети, племянники и внуки (по мужской линии) императора. При всём том, Государями они не назывались, потому что это умаляло бы самодержавное значение слова в приложении его к титулу императора. Кстати, слово Государь – только прибавление к титулу, но не титул, подобно «господину президенту». Увы, сегодняшние подхалимы из числа горе-монархистов профанируют уже не только выражение «Государь», но и «Наследник Цесаревич», применяя его к Георгию Гогенцоллерну.

Анатолий Григорьевич Макриди-Стенрос, первоходник, редактор газеты "За Родину"

ПРЕДРЕКАНИЯ МАКРИДИ

Но вернёмся к Макриди. В письме Т. В. Дубровской от 18 июня 1969 года он щедро похвалил очередную мою передовицу: «Статья показала прекрасную осведомленность автора, близкое знакомство с международными делами и вдумчивость, сообщающую статье известную оригинальность. Однако, вооружитесь мужеством, не хотел бы Вас разочаровывать. Я с полной безнадежностью взираю на ближайшее – лет через 15 – будущее эмигрантской печати. Надвигается неумолимо и не предотвратимо кризис, чистая смерть для нашей печати – кризис читательский. Читатель физически вымирает. Во всяком случае: в количестве потребном для поддержания самого захудалого существования самых популярных и многотиражных нынешних органов. Ровесники Казанцева, как правило, читать по-русски не умеют и учиться не хотят. Я не предвижу для него продолжительной возможности служить нашим благородным идеям за границей, но почти уверен, что он будет совершенно необходим в России. Пусть же «Наша Страна», послужит для него полигоном для будущей снайперской роли в русской печати на родине (Для этой роли, возможно, совсем не нужно будет туда переселяться. Может быть и «Нашей Стране» этого не потребуется)».

Я в 1967 году – неоперившийся редактор и публицист

Как сказать? В своём пророчестве Макриди и ошибся и оказался прав?

Однако другие его предсказания оказались безошибочными. Как когда он мне написал 10 декабря 74 года следующее: «Я не хотел бы поддерживать в Вас иллюзии, хотя бы меня и упрекнули в том, что я размагничиваю в Вас антикоммунистическую энергию, на мой взгляд, предрасполагать Вас к разочарованию было бы ещё хуже. Поэтому могу Вас заверить, что если ТАМ что-нибудь и началось, то настолько далеко от завершения, что говорить о нём или мечтать, более чем преждевременно. Я допускаю, что могут начаться волнения, беспорядки, и даже переворот. Но это будет переворот не радикальный, а частичный: одна форма советской власти сменится другой, но советизм останется во всей его удручающей силе на долгие годы. Смутное время, долгое изнуряющее, кровопролитное и разрушительное совершенно неизбежно между большевизмом и будущей Россией. На этом смутном времени, как полагается, многие заработают. Нынешняя Россия, и долго будущая, это безмен: большинство, как всегда, хорошее, честное, национальное и пассивное, как никогда. Меньшинство испорчено, двое-

душно, своекорыстно, алчно и жестоко, и активно, как нико-гда. Солоневич о них писал, об этих активистах, паразитах без специальности и желания работать, они умеют только заседать. Их не меньше 40 процентов, и пока они не вымрут, советизм непобедим». Как в воду глядел!

УРОКИ ЖУРНАЛИСТИКИ

И Макриди и Войцеховского я считал своими учителями: к обоим обращался за профессиональным советом. Вот что мне ответил первый из них 17 июня 1969 года: «Пишите чаще раза в две недели. Написав, откладывайте рукопись на несколько дней, а потом перечитывайте. Так раза два, три перед сдачей в набор. Это для начала, а дальше Вы выработает свой собственный самоконтроль. Старайтесь выжимать воду как из сырной пасхи и по возможности меньше употреблять иностранных слов. От этого мысль выражается точнее. Язык становится интеллигентнее. Вы можете писать лучше всех и должны к этому стремиться».

Сергей Львович Войцеховский, член Кутеповской боевой организации

Поучая меня, в письме от 24.6.69 Войцеховский одновременно интересно рассказывал о самом себе: «Если Вы хотите стать профессиональным журналистом, попробуйте перешагнуть узкий круг эмигрантской прессы. Не поймите это превратно – я не призываю Вас к прекращению Вашего русского публицистического пути, но изучить газетную профессию в русской заграничной печати, при её ограниченных технических возможностях, нельзя. Попробуйте стать на путь профессиональной карьеры газетчика в аргентинской прессе. Начните, - как когда-то я сделал в печати польской – с самой низкой ступени, с репортажа и небольших заметок. Поначалу не пытайтесь состязаться с местными репортерами на общие темы. Пишите о русских эмигрантах в Аргентине, о русской литературе, о большевиках и о борьбе с ними. Когда почувствуете себя на этой первой ступени крепко, поднимитесь на вторую – перейдите к небольшим статьям на те же темы, постепенно увеличивая их объём и расширяя их значение. Очень полезно, на этой второй ступени, научиться общению с людьми, принадлежащими не к эмиграции, а к самым разнообразным кругам, к изложению их слов в беседах с ними, в интервью. В мои молодые годы, в Варшаве, я написал множество отчетов о таких беседах с дипломатами и заезжими знаменитостями. Первой был Хансен, последний – Шалапин.

ЦЕЛАЯ ЭПОХА, ПОСЛЕДНИЙ СВЕТОЧ

Просто не верится – 3000-й выпуск газеты! Это целая эпоха, это часть истории Русского Зарубежья и – самое главное – это последний светоч нашей Белой Эмиграции.

Все знают, что имя Н. Л. Казанцева тесно связано с его детищем, радуящим всех нас при каждом выпуске – замечательной газеты «Наша Страна», гордостью Белой Эмиграции и, как неоднократно говорилось и писалось, – последним нашим оставшимся печатным Белым органом. Но мало кто знает, что в его не такой уж старый возраст, вот уже 47 лет как он неизменно несёт редакторский подвиг, своего рода крест, добровольно возложенный на самого себя, когда ему ещё не исполнилось и двадцати лет!

Можно сказать – целая жизнь! Как не преклониться перед подобным безвозмездным подвигом! Жизнь Николая Леонидовича буквально сливается и переплетается с радостями, успехами и неудачами переживаемыми самой газетой.

Николай Леонидович, не побоимся сказать, совмещает в своей личности, помимо редакторских, все рыцарские качества и характеристики — он прямо дышит Белым духом! Воином он не был, но безусловно мечтал стать

После него я перешагнул на третью ступень, перестал быть репортером, стал настоящим публицистом, увидел мою подпись в известных журналах и «удостоился» полемической реплики одного из первых лиц в стране – генерала Сикорского, будущего главы польского зарубежного правительства в Лондоне.

Одновременно, развивайте Богом данным Вам публицистический талант в «Нашей Стране». Не стремитесь писать часто, работайте без спешки над каждой статьей, собирая нужные сведения и отделяя слог. Если я снабжаю «Нашу Страну» политической хроникой, то только потому, что мне пришлось в Америке вернуться на вторую ступень журналистической профессии, превратиться из публициста в обозревателя – автора обзоров, которые я – заработка ради – еженедельно пишу для западно-германского бюро иностранной прессы. Но Вам открыта широкая дорога, на которой желаю вам удачи. Постарайтесь, вступая на этот путь, приобщиться к газете или журналу на максимально высоком – в аргентинском масштабе – уровне. Посмотрите на это, как на школу, и не требуйте от этой школы стопроцентного совпадения с Вашими мнениями. Конечно, мы не можем участвовать в изданиях коммунистических, революционных или русофобских, но католический консерватизм или местный национализм, если в них нет русофобии, не должны быть в наших глазах непроходимым порогом.

Ваше поколение – в отличие от моего – должно, в журналисти-

и вся его жизнь есть постоянная брань за благородные цели.

Когда представилась ему возможность «понюхать пороху», он всем своим существом бросился в защиту интересов и чести своей второй родины Аргентины. Правда, не с оружием в руках, но как единственный аргентинский военный корреспондент на островах во время Мальвинской войны против Англии. Сражение двух держав закончилось успехом Великобритании, но с точки зрения мужества, дерзновения и чести Аргентина несомненно победила, а бесстрашие, проявленное Николаем Леонидовичем, не раз рискуя своей жизнью, чтобы испытать в самых опасных обстоятельствах «чувство локтя» с военными героями, заслужили ему высокую награду в виде ордена, торжественно возложенного на него после войны.

В другие времена, Николай Леонидович был бы в России вождём, за которым легко пошли бы, так как путь, по которому он идёт и ведёт – прямой путь, а отпадают от него лишь те, кто не достойны вести ту борьбу, которую он ведёт.

Отношение к Н. Л. Казанцеву может даже служить своего рода ориентиром, чтобы знать, где и кем проповедуется настоящая Белая Идея, а где простая бутафория или, что не лучше, национал-большевизм под видом патриотизма.

Всё, что имеет серьёзное значение в патриотическом духе в России, отдаёт в этом дань Николаю Леонидовичу, одному из последних могикан Белой Эмиграции, решительно отказывающемуся спускать знамя, поднятое нашими Отцами.

Наш величайший Белый мыслитель И. А. Ильин настаивал на том, что безнравственность и

русской профессии, освоиться не только с газетной техникой, но и телевидением и радио. Тут я помочь Вам советами не могу, потому что в моё время связи между газетами и этими источниками информации не было.

Человек никогда не будет профессиональным журналистом, в полном смысле слова, если его познания будут ограничены редакцией. Необходимо знать типологию, то есть, по крайней мере, понимать труд линотиписта и, особенно, метранжажа. То есть вёрстку, составление газетного листа. Не только внешний облик газеты, но и её воздействие на читателя зависят, в большой степени, от удачного распределения материала. Когда это удачно распределение достигнуто, нужно его придерживаться и – в случае необходимости – изменять осторожно и медленно. Читатель привыкает к облику своей газеты. Изменение этого облика его, иногда, раздражает и отталкивает.

Из русских зарубежных газет «Наша Страна» может похвалиться умелым распределением своего содержания и грамотными заголовками, чего нельзя сказать о таких, более распространенных газетах, как «Новое Русское Слово» в Нью Йорке или «Русская Жизнь» в Сан Франциско.

Живи Вы в Нью Йорке, я посоветовал бы Вам читать «Нью Йорк Таймс». Насколько его направление во многих случаях, неприятно, настолько же он может служить образцом высокого профессионального уровня, в техническом смысле слова. В

беспринципность несовместимы с настоящим русским патриотизмом.

Поэтому, в оценке лиц, выдающих себя за патриотов, монархистов, или же в нашем деле за сторонников Зарубежной Церкви, нравственный критерий является важнейшим: аморального монархиста, патриота или Зарубежника быть не может, так как в таком случае мы имели бы дело не с исповеданием и восхвалением этих высоких понятий, а с их профанацией.

Прямота, порою критикуемая негибкость, Николая Леонидовича зиждется на том его благородном жизненном правиле, что уважающий себя человек всегда должен быть верен нравственным принципам. И это является ни чем иным, как тем стержнем, той линией поведения, на которых он неизбежно стоит в своей редакторской деятельности, ни на что и ни на кого не оглядываясь, преследуя одну лишь прямую цель — да восторжествует, горящая в нём истина! В такой обстановке не удивительно слышать время от времени бессмысленные критики и даже хамские обращения со стороны разной советской шпаны, за которые и обижаться не стоит, так как исходят от людей не в состоянии понять и даже ощутить эти высокие принципы.

Когда случилось невероятное предательство Зарубежной Церкви, когда у честных людей словно земля под ногами провалилась, Николай Леонидович, сразу понял, где его долг и не побоялся из идейной монархической превратить «Нашу Страну» в идейную церковную газету. Но идейность оставалась одна и та же. И во всех отношениях он оказался прав, так как не только не потерял читателей, а наоборот приобрёл многих. Известно, что

Европе, в том же смысле, полезно чтение и изучение «Нейе Цюрхер Цайтунг», но выписывать эти газеты, живя в Аргентине, трудно и дорого. Поэтому советую Вам ограничиться, на первых порах, критическим изучением одной или двух местных газет, по возможности разного направления, так как эта разница покажет вам: как одно и то же событие может быть освещено с разных точек зрения».

Через три года после советов Войцеховского, в самой влиятельной аргентинской газете «Ла Насион» появилась моя первая статья на испанском языке.

Потом я перешёл в еженедельный буэнос-айресский журнал «Сиете Диас» где, следуя совету Войцеховского, первой там пробой пера я предложил статью о русских аристократах в аргентинской столице.

А в 1978 году мне удалось попасть в аргентинское телевидение, что позволило мне путешествовать по белу свету и, таким образом, познакомиться лично с почти всеми сотрудниками «Нашей Страны».

НЕПРИЗНАННЫЙ ГЕНИЙ

В том числе и с Владимиром Рудинским (Даниилом Фёдоровичем Петровым), поистине непризнанным гением, ставшем моим третьим учителем в области публицистики, но не потому, что он мне преподавал какие-нибудь конкретные советы или указания, а потому что он писал свои мириады статей от руки, неразборчивым для наборщиков почерком, и я перестукивал их на машинке, не-

Зарубежная Церковь, будучи подлинным продолжением дореволюционной Русской Церкви, являлась до последнего времени единственным институтом, пользующимся тысячелетней историей, единственным подлинным преемником тысячелетней России.

Вот почему так нуждались в её признании узурпаторы, каковыми являются сегодняшние российские гражданская и церковная власти: только через неё могли они получить легитимацию своего бытия. Вот почему не поспешили на средства для её покорения и, как говорится, «не смогли уничтожить – решили возглавить»... И на самом деле – борьба за Русскую Зарубежную Церковь, за предохранение её наследия есть одновременно борьба не только за сохранение нашей церковной структуры, но и связи с нашей Россией, одним словом – борьбой за Истину. За ту Истину, которая была нам дана как залог, и которую мы не в праве упустить. Газета «Наша Страна» стала одним из основных рупоров борьбы за Зарубежную Церковь.

В Гражданскую войну шли Добровольцами почти дети – кадеты, а также юнкера, старики, знатные, престолудины, не боялись проливать кровь свою, отдавать жизнь с полным сознанием, что в данном случае смерть не наказание ибо, куда страшнее кара – быть вычеркнутым из Истории. Во имя этого, этой Истории и этой Истины, Н. Л. Казанцев вот уже 47 лет ведёт неустанную брань. Белому рыцарю, не закопанному в землю данным ему Богом талант – многая, многая лета!

Помогайте «Нашей Стране»!

Протоиерей Герман Иванов-Тринадцатый

вольно попутно впитывая в себя нечто от его манеры писания.

Рудинский блестяще распространялся на все затрагиваемые им темы, ум его был столь же острым, как и его перо. А какие ясность суждений и богатство языка!

В. Рудинский (Даниил Петров): лингвист, литератор, публицист, полемист, ветеран Голубой Дивизии

Но Боже, Боже! Я был в шоке когда в 1979 году впервые проник в парижское жилище этого ветерана сражавшейся на Восточном фронте испанской Голубой Дивизии.

Не вошёл, а в прямом смысле вломился к нему. Прорвался чудом, он никого постороннего к себе не пускал. На дверь указали жильцы, сказавшие, что никто не знает когда он выйдет, а стучать бесполезно – он абсолютно глухой. (Поэтому он не имел телефона, а собеседников заставлял писать ему в тетрадь, вместо того, чтобы говорить).

Слава Богу, он вдруг приоткрыл

дверь, но увидев меня, хотел её захлопнуть. Ан нет, я пошёл ва-банк, сунул ногу в дверь. Он своей стал её выбивать, но я устоял, поднажал на дверь и тут ко мне вернулся дар речи: «Да это я, «Наша Страна», Владимир Андреевич!»

Наконец, он меня впустил, но был сильно раздражён моим неожиданным посещением: «Я же Вам писал, что принимать у себя не могу, так как у меня беспорядок, а надо назначить встречу в кафе около дома!» Увы, письмо это пришло после моего отъезда из Буэнос Айреса. Я вошёл и опять потерял дар речи. Где же он пишет статьи? Писать негде – стол завален старыми банками, какой-то рухлядь, нет места ни для письма, ни для еды. Одна колченогая табуретка, книги на полу грудями, в свалке, на стене висит какая-то замусоленная хламида, окон не видно, туалета нет – он в коридоре.

При виде обстановки, сердце похолодело от жалости и сострадания к этому талантливейшему, но несчастному человеку, громадному, грузному, ужасно оборванному. У брюк внизу клочья вырваны, ну прямо рубище.

Он пригласил меня в кафе, попросил подождать за дверью. Когда вышел из своей трущобы, на нём были другие брюки, но не намного лучшие. Пиджак такой, что и обездоленный бомжа не позарится. Я смотрел на него и в душе ужасался: замечательный литературовед, публицист, ученый – что сделало с человеком изгнание, одиночество, время, жизнь, беспощадно с ним расправлявшаяся! Однако держался он с большим достоинством. Видать, всё, что не относилось к умственной работе, творчеству, его научным лингвистическим открытиям – просто не попадало в поле его зрения, ничего для него не значило.

Владимир Рудинский на закате лет. Он рассердился, что я поместил этот портрет; и не позволял отмечать его юбилей – скрывал возраст.

Второй раз я его видел в конце 2006 года и перемена обстановки была разительной. Оказывается, за ним ухаживала одна дама, приведшая его пещеру в человеческий вид.

Очень тяжелый характер Рудинского сильно повредил ему в жизни. Иначе он был бы признанным французским академиком, а не работал ночным сторожем. И нельзя сказать, что характер у него испортился лишь с годами. Уже в 1953 году Солоневич спрашивал издателя газеты В. К. Дубровского: «Рудинский очень обижен на 10 не помещенных статей – в чём с ним дело?» А тот, в ответ, 27.4 сетовал: «Жалобы Рудинского не имеют никакой почвы под собою. Его статьи печатают – по мере возможности. В КАЖДОМ номере они идти не могут. А если

человек шлёт их по три в неделю, то и вообще нет возможности всё печатать. И что за манера «жаловаться» Тебе, имея вполне исчерпывающее объяснение этой задержки с его статьями от меня? Человек он трудный и характер у него ворчливый, а мне одному на всех не угодить... Выхода из этого положения может быть только два: или займись им и его статьями сам – тогда я буду просто пересылать Тебе всё, что от него буду получать, или – его жалобы посоветуй ему адресовать мне».

Кстати, в вышеназванном труде, многоуважаемая М. А. Кублицкая, изо всех сотрудников «Нашей Страны» выделяет одного лишь Андрушкевича, ссылаясь на количество опубликованных им статей. Однако в этом плане он далеко уступает таким авторам как Войцеховский и Макриди, поместившим в газете несказанно больше своих материалов, чем он.

Не говоря уж о Рудинском. Он начал сотрудничать в «Нашей Стране» напечатав в № 6 от 13 ноября 1948 года статью «Интересный опыт», а закончил – в номере 2920 от 16 июля 2011 рецензией на журнал «Новый Мир». Не является ли мировым рекордом тот факт, что он публиковался в одном и том же органе печати на протяжении более 62-х лет?

Добавлю, что «Наша Страна» не являлась органом Общероссийского Монархического Фронта, как утверждает многоуважаемая М. А. Кублицкая, а лишь входила в него.

РЕДАКЦИЯ В САКВОЯЖЕ

Куда бы я не путешествовал по служебной командировке, в моём саквояже носилась со мной и редакция «Нашей Страны».

Из Никарагуа я диктовал по телефону Татьяне Владимировне план очередного номера газеты, из Китая выклянчивал статью у Евгения Вагина, из Антарктиды по факсу пересылал Мише Кирееву корректуры. Лет десять, начиная с 1982 года, в «Нашей Стране» значилось, что у неё есть редакционная коллегия из трёх членов. Но на самом деле, Киреев занимался лишь технико-финансовой частью, Андрушкевич – писанием своих статей, а я, – как всегда, – редактированием.

Это обстоятельство уже отмечалось в «Нашей Стране» № 2453-2454 за 1997 год.

ДОСТОЕВСКИЙ НАШИХ ДНЕЙ ПОМОГАЕТ "НАШЕЙ СТРАНЕ"

В 60-х годах, приняв решение служить делу освобождения России от коммунизма, я отчаянно крутил головой в поисках единомышленников в СССР.

Поэтому Александр Солженицын сразу стал для меня символом, знаком того, что мы, белые в эмиграции, не одиноки, что не беспочвенны наши надежды увидеть Россию возрожденной.

Прочитав «Один день Ивана Денисовича», я поместил в «Нашей Стране» № 1002 передовицу «Кричать о Солженицыне», вызвавшую скептический комментарий правящего иерарха Аргентинской Епархии РПЦЗ, архиепископа Афанасия (Мартоса): «Как Вы можете считать, что он «наш», – всего лишь на основании беллетристического произведения?», засомневался Владыка, когда я вскоре побывал у него на подворье храма Воскресенья Христова, ныне захваченного

Московской Патриархией.

Однако я не только оказался прав, но действительность превзошла все мои ожидания: попав на Запад, Солженицын даже стал финансировать «Нашу Страну»!

Это, конечно, случилось не сразу.

Первое подтверждение того, что писатель «наш» я получил от С. Л. Войцеховского. В письме от 17 апреля 1974 года, он писал: «На тот случай, что Вы пожелаете посылать «Нашу Страну» А. Солженицыну, сообщаю Вам его адрес: Herrn Alexander Solshenizyn, Stapferstrasse 45, 8033 Zurich, Schweiz. Здесь, в Нью Йорке, пошли разговоры об отрицательном впечатлении, якобы произведенном на архиепископа Антония (Бартошевича) его встречей с Солженицыным в Цюрихе. Ныне мне известно, что впечатление было, наоборот, отрадным. По телефону из Женевы епископ сообщил, что он побывал у Солженицына, который, во время долгого разговора, «произвёл самое светлое впечатление, как настоящий сын православной Церкви, прекрасно разбирающийся в наших грустных церковных делах».

По выражению архиепископа Антония, «несмотря на то, что мы, как из разных миров, но говорили на одной волне». Солженицын сказал, что он старается никуда не показываться, так досаждают ему журналисты, и много работает. «Я так счастлив, – воскликнул он – что в первый раз в жизни имею собственную квартиру». Всё это сообщено мне доверительно, не для печати. Я повторяю рассказ архиепископа Антония в сжатом виде только для того, чтобы дать Вам верное представление об его впечатлении от Солженицына, который в одном, показанном мне сегодня письме, сообщил, что он уже в 1954 году начал задумываться над возможностью отсылки своих рукописей за границу».

Через некоторое время у меня самого завязалась переписка с Нобелевским лауреатом. Я привёл много отрывков из неё в № 2852 «Нашей Страны».

И наконец настал желанный день встречи с моим героем: тридцать лет назад, 16 апреля 1984 года, на Страстной Неделе в Вермонте.

«Вермонтский отшельник» оказался совсем не таким, каким рисовала его пресса: не угрюмым нелюдимом, скрывающимся от назойливых посетителей за колючим забором, а улыбчивым, доброжелательным, гостеприимным и к тому же изъясняющимся на прекрасном не-советском русском языке. А что касается «колючей проволоки», так это и вообще, как я воочию убедился, была сетка от диких зверей.

Мысль об огромном значении, которое имел Александр Исаевич

для России, оценка его как великого (мало кто при жизни удостоивался такого титула) русского писателя, исполняла меня благоговейным трепетом. Обаяние Солженицына покоряло, заставляло напряженно слушать каждое его слово.

Он мне запомнился бодрым, подвижным, с пристальным взглядом из под нависших век. Лёгкий, быстрый, почти бегущий, юношески взмывающий. И говорил второпях, и смеялся взхлёб.

А я жадно внимал его словам: чтобы вразумил, чтобы научил, чтобы мозги вправил, как нужно бороться за Россию.

Естественность, простота, радушие, доброта, острота размышлений, юмор. Простой стол в доме среди первозданного леса.

Солженицын был начисто лишен позы, сознания своей значимости.

Разумеется, менее чем кто-либо я могу быть объективным в оценке Солженицына, как писателя и человека. Он – часть моей биографии, причём неотъемлемая часть.

Исключительно последовательный человек, наделенный к тому же от Бога и по характеру небывалой трудоспособностью и целеустремленностью.

В эмиграции мне часто случалось сталкиваться с активным неприязнью Солженицына, со стороны достаточно известных в нашей среде деятелей, и всякий раз, приглядевшись я наткнулся на что-то сугубо личное, потаенное. Это была не только зависть, а даже ярость по поводу того, что он один распатал советского гиганта и при этом посчастливилось ему выжить и «песню допеть».

Я в Вермонте увидел живого классика во всём своеобразии его личности. Я счастлив, что смог это сделать. И ещё более, что эта мощная, глубокая, страстная личность, равной которой в среде художественной интеллигенции XX века не было, – оценила и поддержала «Нашу Страну». Ведь только подумать! – Солженицын фактически был её сотрудником, – не только финансировал нашу газету. В письме мне от 20.3.80, есть тому подтверждение: «Мне трудно обещать Вам, что я всегда буду успевать высылать Вам мои выступления, – но все короткие, где-либо печатаемые или сообщаемые, Вы можете использовать для своей газеты без моего предварительного согласия, только удостоверьтесь в точности текста».

Помимо парижского «Вестника РХД», он никому не давал такую привилегию. Пример тому, следующий эпизод.

Девятнадцатого апреля 1975 года Солженицын по телефону связался с редактором «Нового Русского Слова» Андреем Седых (Яко-

для России, оценка его как великого (мало кто при жизни удостоивался такого титула) русского писателя, исполняла меня благоговейным трепетом. Обаяние Солженицына покоряло, заставляло напряженно слушать каждое его слово.

Он мне запомнился бодрым, подвижным, с пристальным взглядом из под нависших век. Лёгкий, быстрый, почти бегущий, юношески взмывающий. И говорил второпях, и смеялся взхлёб.

А я жадно внимал его словам: чтобы вразумил, чтобы научил, чтобы мозги вправил, как нужно бороться за Россию.

Естественность, простота, радушие, доброта, острота размышлений, юмор. Простой стол в доме среди первозданного леса.

Солженицын был начисто лишен позы, сознания своей значимости.

Разумеется, менее чем кто-либо я могу быть объективным в оценке Солженицына, как писателя и человека. Он – часть моей биографии, причём неотъемлемая часть.

Исключительно последовательный человек, наделенный к тому же от Бога и по характеру небывалой трудоспособностью и целеустремленностью.

В эмиграции мне часто случалось сталкиваться с активным неприязнью Солженицына, со стороны достаточно известных в нашей среде деятелей, и всякий раз, приглядевшись я наткнулся на что-то сугубо личное, потаенное. Это была не только зависть, а даже ярость по поводу того, что он один распатал советского гиганта и при этом посчастливилось ему выжить и «песню допеть».

Я в Вермонте увидел живого классика во всём своеобразии его личности. Я счастлив, что смог это сделать. И ещё более, что эта мощная, глубокая, страстная личность, равной которой в среде художественной интеллигенции XX века не было, – оценила и поддержала «Нашу Страну». Ведь только подумать! – Солженицын фактически был её сотрудником, – не только финансировал нашу газету. В письме мне от 20.3.80, есть тому подтверждение: «Мне трудно обещать Вам, что я всегда буду успевать высылать Вам мои выступления, – но все короткие, где-либо печатаемые или сообщаемые, Вы можете использовать для своей газеты без моего предварительного согласия, только удостоверьтесь в точности текста».

Помимо парижского «Вестника РХД», он никому не давал такую привилегию. Пример тому, следующий эпизод.

Девятнадцатого апреля 1975 года Солженицын по телефону связался с редактором «Нового Русского Слова» Андреем Седых (Яко-

С Александром Исаевичем. Вермонт, Страстная Неделя 1984 г.

3000 ВЫСТРЕЛОВ В ЗАЩИТУ СВЯТОЙ РУСИ

Под редакцией Н. Л. Казанцева выходит в свет 3000-й номер «Нашей Страны». Распространено мнение о том, что «солдатами не рождаются», и чтобы стать солдатом, нужна длительная тренировка. Но это не всегда бывает так, есть и исключения. Некоторые люди рождаются и уже от люльки хватаются за саблю, и они вскоре готовы защищать Веру и Родину. В большинстве, такие воины от рождения появляются в семьях потомственных военных, в наших русских горских народах и среди прославивших свое имя как защитников православия казаков. Одним из таких рожденных в Зарубежной Руси от колыбели «воинов-рыцарей» по духу, стал редактор «Нашей Страны» Николай Леонидович Казанцев. Родившись в мае 1948 года в Австрии, в семье воинов Добровольческой Армии и

Русского Корпуса, молодой Николай, не получил возможности последовать по их стопам и стать воином Русской Армии. С родителями, еще младенцем, Николай Казанцев переехал в Аргентину.

На новой родине, в церкви и семье, как и многие другие переселенцы, он воспитывался в традициях верности Вере, Царю и любви к далекой Родине своих родителей, к русской культуре и к русскому языку.

Не имея возможности быть в русской армии, молодой Николай, избрав своим оружием перо и, будучи 19-летним юношей, стал редактировать одну из самых известных в Зарубежной Руси газет – «Нашу Страну».

Во время Мальвинской войны 1982 года за освобождение островов от Англии, являясь единственным аргентинским военным корреспондентом на южно-атлантическом архипелаге, он записал свои впечатления, изданные затем на испанском языке в двух книгах, общим тиражом в 100 тысяч экземпляров. Он также повествовал о военных событиях выступая по аргентинскому телевидению.

За свою службу на островах, Н. Л. Казанцев был награжден военным орденом, во время церемонии в столице государства Буэнос Айресе, где он принимал парад аргентинских войск рядом с главнокомандующим аргентинской армии, также ветераном Мальвинской войны.

Будучи лояльным, любящим Аргентину гражданином, он

однако никогда не забывал о долге службы Родине-России, и вот уже 47 лет редактирует «Нашу Страну». Он бесстрашно и беспощадно бьет своим пером врагов Православия и Руси. В многочисленных статьях в газете им критикуется экуменическая и безбожная деятельность верхушки Московской Патриархии и антирусская политика неосоветского правительства Российской Федерации. За эту службу Вере и Святой Руси, Н. Казанцеву приходится терпеть от врагов преследования.

Яростные попытки врагов приостановить выпуск газеты, наталкиваются на твердое решение русского воина-публициста, уповающего на защиту Господа Бога, и пользующегося поддержкой со стороны читателей газеты.

С помощью верных сотрудников-публицистов, он с 1967 года, приглашенный издательницей Т. В. Дубровской-Киреевой, исполняет должность редактора единственной в эмиграции независимой национально-патриотической газеты, основанной известным русским писателем Иваном Лукьяновичем Солоневичем.

В его нынешней должности издателя, редактора, корректора и экспедитора, ему помогла его милая супруга Марианна Павловна.

Важность издания «Нашей Страны», не только для Зарубежной Руси, но и для Родины, - громадна, так как в ней, освещаются церковные и политические события во всем

мире с православной русско-патриотической точки зрения.

Н. Л. Казанцев был одним из основателей Общества Блаженнейшего Митрополита Антония, и является его вице-председателем. Своей верной службой он доказал, что и один в поле воин, если он Русский! Слава родителям сумевшим воспитать такого сына – верного Православия и России. Заслуги Николая Леонидовича будут оценены в будущем, когда Россия освободится от советчины. А пока, мы, его современники, сотрудники газеты, члены Общества Митрополита Антония и читатели «Нашей Страны» благодарны ему за труды.

Поздравляя Николай Леонидовича – борца за Православие и Русь, - с 3000-м выпуском «Нашей Страны», пожелаем ему многолетия, семейного счастья, сил и здоровья для продолжения борьбы против мирового зла.

Обращаем внимание всех кто ценит труды Николая Леонидовича, тех кто верит в будущую победу Руси над советчиной и в торжество добра над злом, кто считает себя белым русским, а не космополитом, что самым приятным для него подарком к 3000-му номеру, были бы новые подписки на «Нашу Страну», или пожертвования для продолжения выпуска без перерывов газеты.

Многая лета наследнику русских белых воинов!

Г. М. Солдатов

вом Моисеевичем Цвибаком) и в крайне резкой форме обвинил его в причинении морального убытка тем, что газета перепечатала главу из книги "Бодалас телёнок с дубом". Седых попытался оправдаться тем, что якобы перепечатка была согласована с парижским издательством, напечатавшим книгу, на что Александр Исаевич ответил, что пока он был в России, об его произведениях можно было говорить с издателями, а теперь следует говорить о них только с ним. Седых назвал этот разговор "перебранкой".

Кстати, помимо переписки со мною, длившейся почти два десятилетия, Александр Исаевич кратковременно переписывался также и с рядом сотрудников «Нашей Страны» - А. Г. Макриди, В. А. Рудинским, В. А. Богдан, Н. А. Нефедовым. И Андрушкевич тоже попытался с ним наладить эпистолярную связь, но писатель не удостоил его ответом.

Во время моего посещения, Солженицын надписал посвящения на четырех книгах – мне и моим сыновьям. Увы, в Буэнос Айресе одна советская новоприезжая их у меня выкрала. Сохранилась только пятая, «Россия в обвале», переданная мне автором в 1998 году, со следующим посвящением: «Николаю Леонидовичу Казанцеву с доброй памятью и пониманием. Июнь 1998. А. Солженицын».

ЛЮДИ, ИЗБРАВШИЕ БОЛЬШУЮ ЖИЗНЬ

Можно существовать на Земле

двойко: избрать малую жизнь или большую. В малой жизни – малые победы и малые поражения. В большой – совсем другая амплитуда, масштаб потрясений огромный: гибнут и рождаются государства, сменяются исторические эпохи, герой не спасает утопающего, а целую страну. У Солженицына была возможность уютно устроиться в малой жизни. Он мог занять прекрасно оплачиваемую нишу советского писателя и преспокойно провести так свою жизнь. Однако он сам, никто его не заставлял, избрал иной путь. На нём было очень легко погибнуть, но зато он прославил себя навеки, расшатал «большую зону» - Советский Союз.

Были и другие, крупного масштаба личности избравшие «большую жизнь», которые тоже сотрудничали в «Нашей Стране».

СПАСШИЙ СВОИХ СОЛДАТ

К примеру, Борис Алексеевич Хольмстон-Смысловский, командир 1-й Русской Национальной Армии, созданной во Вторую Мировую на территории Германии из русских эмигрантов и советских военнопленных. Хольмстон спас своих солдат. Он не покинул их, как и командир Русского Корпуса полковник Рогожин, как и генерал фон Паннвиц, оставшийся с казаками, хотя его и отпускали.

Борис Алексеевич печатался в нашей газете фактически с первых её номеров. А мне довелось с ним встретиться лично, при посещении Вадуца, столицы Княжества Лихтенштейн, в начале 1979 года.

Мы долго беседовали, пили чай, сфотографировались, я взял у него интервью (из которого тогда опубликовал в «Нашей Стране» только часть). Мне уже доводилось говорить об этой встрече, когда-нибудь напишу о ней ещё. Сейчас же ограничусь тем, что воспроизведу его письмо мне от 12 апреля 1979:

«Дорогой Николай Леонидович, Сердечно благодарю за милое письмо и за фотографии. Ваш друг всех нас прекрасно снял. Не «заснял» - простите за замечание старого генерала. Мы также, с женой, часто вспоминаем этот вечер. Ваш приезд доставил нам незабываемое удовольствие. Я очень рад, что моя последняя статья Вам и читателям понравилась, и что Вы читаете интервью удачным.

Совершенно ясно, что все мои статьи и интервью находятся в Ва-

шем полном распоряжении и Вы поступайте с ними так, как это надо для пользы русского, национального дела. Печатайте и распространяйте по Вашему личному усмотрению.

После Праздника постараюсь снова прислать соответствующую статью. Трудность состоит в том, что я принципиально не хочу писать на чисто политические темы. Военное обозрение будет всегда запаздывать, потому приходится ждать, когда соответствующая тема – «созреет».

Интересно, как будет реагировать наша «колония» на это интервью. Там есть известная «натяжка». Вернее, то, что я сказал – не совсем то, что хотел бы сказать, разум говорит одно, а сердце кричит – ни на лево, ни на право, - а прямо на Москву. Жена шлёт Вам самый сердечный привет. Я крепко Вас обнимаю. Всегда Ваш, Хольмстон».

Беседу с генералом Борисом Алексеевичем Хольмстон-Смысловским в присутствии его жены Ирины Николаевны Кочанович, в Вадуце, Княжество Лихтенштейн, 1979 год.

ТРОЦКИЙ, МЕКСИКА И ПЛЕВОК РЕДАКТОРА

Совершу 25-летний скачок. В понедельник 27-го декабря 2004 года, я имел величайшее удовольствие плюнуть на могилу Льва Троцкого в мексиканской столице.

Лев Троцкий прибыл в Мексику в 1937 году по личному приглашению президента страны Ласаро Карденаса, предоставившего ему политическое убежище. В 1937—1939 годах Троцкий жил в Койоакане у знаменитых художников Фриды Кало и Диего Ривера. Однако ввиду политических разногласий Троцкий переселился в дом на соседней улице (на углу Рио Чурубуско и Виена).

В мае 1940 года в доме было совершено первое неудачное покушение группой сталинистов во главе с известным художником Сикейрос. А 20 августа 1940 года Троцкий был убит в доме агентом НКВД Рамоном Меркадером. Дом-музей был там официально открыт 20 августа 1990 года.

Кстати, при посещении мною дома-музея Троцкого в мексиканской столице, я был глубоко возмущён обнаружив, что он там представлен некой безвинной жертвой Сталина: ни единого упоминания о его действиях как массового убийцы!

После того как Лев Давыдович Бронштейн, известный на Западе как Леон Троцкий, был убит по приказу Сталина, его имя до сих пор стало знаменем эстетствующей прогрессивной публики, желающей убедить себя, что был возможен вегетарианский вариант коммунизма. И даже в Голливуде роль сатанообразного палача русского народа поручили сыграть красавцу Ричарду Бартону.

Совместно с Лениным и Сталиным, - главный ответственный за геноцид русского народа

ИЕРАРХИ ПРЕЖНЕЙ РПЦЗ - ЗА "НАШУ СТРАНУ"

Но вернёмся к истории «Нашей Страны». Одной из её отличительных черт является то, что - на протяжении всего существования газеты - она пользовалась поддержкой самых выдающихся иерархов Русской Зарубежной Церкви, иные из которых в ней даже сотрудничали, как архиепископ Нафанаил (Львов), писавший под псевдонимом «А. Нельской», и архиепископ Серафим (Дулгов) выступавший, в частности, под именами «Д. Ржанов» и «К. Вельяминов».

В письме из Уругвая от 15.9.1952 Солоневич сообщал В. К. Дубровскому: «Шамонин говорил с Митрополитом Анастасием. Тот сказал: «И. Л. делает большое, очень большое дело - Бог ему в помощь».

В ответе Солоневичу, 8.10.1952 Всеволод Константинович пишет:

Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей митрополит Анастасий (Грибановский) считал, что основатель "Нашей Страны" Иван Лукьянович Солоневич "делает большое, очень большое дело; Бог ему в помощь".

«Фразе Митрополита Анастасия, сказанной им Шамонину, я придаю большое значение. Если он - Первоиерарх нашей Церкви - считает идею Народной Монархии «большим, очень большим делом», то это очень много. Митрополит Анастасий очень и очень чтит не только старой эмиграцией, не только «за визы», но пользуется огромной популярностью, как крупный человек и в иностранных кругах. Иметь его на своей стороне, иметь в своём распоряжении такую его фразу - очень много». (Проживавший в Нью Йорке Борис Николаевич Шамонин, считал себя народным монархистом и даже денежно самообложился в личную пользу Солоневича).

А вот, что писал 9 мая 1951 года В. К. Дубровский Ивану Солоневичу, из Буэнос Айреса в Уругвай, о другом иерархе РПЦЗ:

«У нас теперь временно - вместо Пантелеймона, - канадский архиепископ Иоасаф (Скородумов). Исключительно симпатичный и располагающий, крепкий и волевой старик. Был у меня. Вошёл со словами: «Наконец то я пришёл в редакцию моей любимой газеты!» Просил передать Тебе его привет, очень интересовался всем с Тобою связанным. А когда я затем был у него, то продемонстрировал мне Твою «Диктатуру Импотентов», сказав, что он сейчас её читает с таким же интересом, с каким прочитывал от начала до конца каждый номер газеты. В общем можно его считать весьма дружелюбно настроенным».

Кроме того, в разное время публично давали высокую оценку газете такие архипастыри как Владыка Никон (Рклицкий), заместитель председателя Архиерейского Синода РПЦЗ, и Владыка Афанасий (Мартос), Аргентинско-Парагвайский.

В наши же дни, каждый номер «Нашей Страны» украшается статьями протоиерея Германа Иванова-Тринадцатого. Хотя он, разумеется, и не епископ, но можно без колебания сказать, что его голос является голосом и знаменем истинной, традиционной, не сдавшейся Зарубежной Церкви.

ТИРАЖ ГАЗЕТЫ

Все эти годы изо всех вопросов, которые люди задают о газете, самым частым был - каков тираж «Нашей Страны»? Как правило,

я отвечал «редакционная тайна».

До войны, издававшаяся в Софии газета Ивана Лукьяновича «Голос России» достигала 15 тысяч тиража. Нельзя упускать из виду, что в ней писали сразу целых четыре Солоневича: помимо него самого, его жена Тамара Владимировна, брат Борис и сын Юра, автор «Повести о 22-х несчастиях». И по тем временам всё это было совершенно ново.

Что касается «Нашей Страны», через некоторое время после её основания, в Европе - в частности в Германии - количество читателей стало падать. Это было совершенно естественно, люди уезжали оттуда. Важно было то, что на общем уровне тиража это отразилось не падением, а его ростом. За счёт Германии немного выросли США и очень выросла Австралия, куда стали посылаться 270 экземпляров, вместо 50 два года назад. А общий тираж, после всяких «чисток», ликвидировавших мёртвый балласт и сведших к минимуму количество бесплатных номеров, В. К. Дубровский поднял к апрелю 1951-го до 2500, из которых надо выделить номеров полтора, посылаемых как «пробные» по различным адресам.

К июлю 1952 года, однако, Всеволод Константинович печатал 2200 экземпляров. И так, очень медленно, все эти годы продолжался естественный спад: подписчики умирали, а их дети, в своём подавляющем большинстве, интереса к нашим вопросам не проявляли, либо недостаточно владели русским языком.

В письме Дубровскому от 29.8.51 Иван Солоневич отмечает, что проживавший в Уругвае протопресвитер Александр Шабашев (1881-1955) принял меры к распространению «Нашей Страны» в новых приходах Зарубежной Церкви в Бразилии.

БЕСШАБАШНЫЙ ОТЕЦ АЛЕКСАНДР ШАБАШЕВ

Стоит остановиться на биографии сего незаурядного друга «Нашей Страны», пастырствовавшего на целых четырёх континентах.

Во время Первой Мировой войны он был дивизионным благочинным в действующей армии и за бесшабашную храбрость в боях получил ордена Св. Владимира 3-й степени и Св. Анны 2-й степени. Кроме того, ему было предоставлено право ношения Георгиевской ленты.

Во время гражданской войны он - священнослужитель в штабе адмирала Колчака - трижды попадает в рапорты Командующего фронтом и награждается Георгиевским крестом. После гибели Верховного Правителя России остаётся в рядах участников Белого Движения на Дальнем Востоке.

Вместе с остатками Белых Армий о. Александр ушёл в 1921 г. в Харбин. С 1921 по 1923 гг. был там настоятелем церкви Благовещения, а затем вместе с небольшой группой прихожан отправился в Австралию, где начал постройку храма во имя Святителя Николая Мирликийского, с приделом в память Царственных Мучеников.

В 1929 году был переведен в США и служил в приходах в Сан-Франциско, Чикаго, Нью-Йорке и Филадельфии. Способствовал объединению двух православных приходов в штате Колорадо и построению там церковного здания.

В 1933 году переезжает в

Бельгию, где становится председателем строительного комитета Храма-Памятника Царственных Мучеников. Его закладной камень был освящен Митрополитом Анастасием (Грибановским) в сослужении отца Александра.

Являясь в 1936-1939 годах вторым по старшинству военным священником русской диаспоры (после протопресвитера Георгия Шавельского), о. Александр Шабашев не мог оставаться в стороне от событий Гражданской войны в Испании. Из многих воспоминаний русских белых добровольцев можно узнать о поездках отца Александра Шабашева на испанские фронты и о молебнах на боевых позициях русских монархистов.

Особо известен его молебен 9 октября 1938 года в день памяти Св. Иоанна Богослова в Эль Контадеро на позиции отряда полковника Болтина в день праздника Марковского полка. Во время службы штандарт с двуглавым орлом опирался на ружья русских добровольцев.

В 1946 году о. Александр был вынужден покинуть Бельгию и отправиться в Аргентину. Причиной отъезда было давление местной демократической общественности, не простившей ему открытой поддержки правительства генерала Франко. В Буэнос Айресе он пробыл два года и затем назначается настоятелем церкви Воскресения Христова в Монтевидео. Кроме того, в Северном Уругвае заботами о. Александра была открыта Русская Духовная Миссия для церковного окормления прибывших туда после войны русских беженцев.

Вообще-то, среди распространителей изданий Солоневича было немало выдающихся личностей.

Назову две. Представителем «Нашей Страны» в Венесуэле являлся генерал-дроздовец К. А. Кельнер, а представителем «Голоса России» на Финляндию - замечательный поэт Иван Савин.

НА РОЖОН

И в заключение. Последнее время меня особенно настойчиво атакуют всякого рода пост-советские придурки из числа псевдомонархистов и псевдобелых.

Должен сказать, что «волны общественности» интересуют меня мало. Единственной меркой для меня служит «приятие» моим собственным «я» того, что печатается в газете. Если я, своим внутренним сознанием, своей совестью, принимаю то или иное положение, статью, фразу, то за это уже мною принято, я могу идти на рожон. Но не могу разделять того, что мое внутреннее «я» отвергает.

Стало быть от совковых наскоков я вовсе не скис и скисать не собираюсь, - как раз обратное: полон энергии, жажды деятельности и решимости бороться дальше и дальше. Что-то, а «скисать» не в моём характере и совершенно мне не свойственно. Любое препятствие всегда меня только взбуждает, но никогда не приводит в состояние уныния... Редакторской работой я увлекаюсь, в наше дело - влюблен по-прежнему, и сие-то и даёт силы.

Выпускать «Нашу Страну» - для меня разновидность счастья. А этому счастью я стопроцентно обязан авторам-бессребренникам, самоотверженным соратникам и вернейшим подписчикам. Низайший им всем поклон!

Николай Казанцев

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИСПАНИИ

С момента проникновения финикийцев, в 12-ом веке до Рождества Христова начинается история Испании, составленная ими в письменной форме. Величайшая заслуга финикийцев или сидонян, как их величал Гомер: изобретение ими в XIV веке алфавита, который был скопирован и видоизменён другими народами, включая античными греками.

Финикия - это целый ряд городов, расположенных на восточном побережье Средиземного моря, западнее Ливана. Тир и Сидон её главные города; о Сидоне даже упоминается в Ветхом Завете.

Финикийцы, хананейских корней, говорили на одном из семитских наречий, близком к еврейскому языку этой эпохи. Финикия была крупной торгово-морской державой, вернее конфедерацией нескольких городов, с её цветущими колониями на двух материках.

Помимо алфавита, изящной обработки стекла, они ещё славились производством красной краски, особого пурпурового цвета, только им одним известного, для тонких тканей. Искусство Финикии не было оригинальным, ибо находилось под влиянием Вавилона и Египта.

Испания привлекла финикийцев своими различными металлами. Возле Кадиса они устроили торговый центр с факториями. В Испании финикийцам пришлось столкнуться с кельтскими племенами, которые, в свою очередь вытеснили или уничтожили народ, проживавший до них на этом полуострове.

Испания была центром скрещивания трёх главных магистралей, идущих из Европы, Средиземноморья и Африки. Она представляла собой котёл смешения многих племён и народов, перемесивших их в испанцев.

За финикийцами потянулись греки, правда не сразу, основавшие на восточном побережье Испании, в 7-ом веке, в нынешней Каталонии, свои центры. Кстати, финикийцы поставляли, с согласия их царя Хирама, царю Соломону строительный материал, искусных мастеров и зодчих, для построения великолепного храма и дворца с конюшнями. Ни финикийцы, ни греки, не были империалистами, а только колонистами. Им имперские амбиции, не были присущи, как Карфагену и, в особенности, Риму. Поэтому они не старались проникнуть вглубь страны, где проживали полудикие, воинственные племена. Их главной целью была торговля и эксплуатация их колоний.

По взятии персами, - в 6-ом веке до Рождества Христова, - Тира, главного города Финикии, Карфаген, что означает - «Новый Город», обрёл независимость, став до некоторой степени, законным преемником Финикии и её бывших колоний, включая и Испанию.

Согласно Полибию, Карфаген уже в 4-ом веке до Р. Х., установил протекторат над Испанией. Во время второй Пунической войны Карфаген пополнял свои армии испанскими рекрутами, сражавшимися против Рима. Браки с испанками не были редкостью, они поощрялись. Сам великий Ганнибал, герой Канн, взял себе в жену испанку, а Барселона, которая была им основана, носит его фамильное имя - Барка.

В Карфагене и, особенно, в Финикии, практиковалось прино-

шение детей в жертву главному идолу - Молоху, бросая их в его раскалённое нутро - для его умиловления. Флобер, чуть не угодивший в тюрьму из-за «Мадам Бовари», знавший И. С. Тургенева, через которого он познакомился с русской литературой и интересовавшийся Карфагеном, написал о нём повесть «Саламбо».

В III веке Рим вступил на рискованный путь экспансии, и тут же столкнулся с Карфагеном, преследовавшим те же самые цели. Оказалось, что в бассейне Средиземного моря, которое в семь раз больше Балтийского - мало места для двух начинающих империй. Главным образом греческая Сицилия и Иберия были яблоком раздора между Римом и Карфагеном, в результате чего разразились три Пунические войны, продолжавшиеся с интервалами 118 лет. Проиграв вторую Пуническую войну, Карфаген был вынужден, по требованию Рима в 201 году до Р.Х. покинуть Иберию и передать победителю все свои средиземноморские острова.

Началась эра Рима, длившаяся шесть веков. Первые два века ушли на колонизацию и усмирение всей страны и её диких племён, в то время как Царской России потребовалось после сдачи Шамиля, которого Император Александр Второй чувствовал как гостя, лишь только десять лет на ту же самую процедуру, то есть водворить мир. «Рах Романа», не только объединила всю страну, но дала Испании, то, в чём она всегда нуждалась - дрящийся мир, которого она не знала, ни до прихода Рима, ни после его падения.

После усмирения начался процесс романизации страны, давший хорошие результаты. Латынь стала языком элиты, а народ говорил на языке легионеров, в переработанном виде: так возник испанский язык, с небольшой примесью вестготского (около 4000 слов) и арабского. Помимо романизованного языка, через Рим, также проникла в Испанию не только его цивилизация, но и классическая литература. Вообще нужно заметить, что Рим, в общей сложности, правил строго, но не произвольно, и в этом была его сила.

Римляне, как и финикийцы до них, были заинтересованы металлами, добываемыми в Испании, в особенности в золоте и серебре, которые они превращали в валюту. Кроме металлов, они ещё экспортировали в Рим: зерно, оливковое масло, вино, и другие аграрные продукты.

Кстати, греки ознакомили иберийцев и с оливковым деревом и виноградной лозой. Внушительное архитектурно-инженерное мастерство римлян содействовало постройке новых городов, мостов, амфитеатров, публичных бань и акведуков. Со временем, Испания стала одной из цветущих провинций Рима.

Романизованная Испания, из своей среды, выделила и дала Риму трёх замечательных императоров: Траяна, Адриана Публия и Феодосия Великого.

Траян (53 -117 по Р. Х.) был усыновлён императором Нервой и правил Римом 19 лет. Удачно воевал с парфянами, завоевал Дакию, которая по размерам соответствовала территории Румынии 1940 года. Трансильвания поставляла золото, которое и покрывало расходы войны. Траян - этот

солдат-стойк, был высокого роста, крепкого телосложения, слыл за хорошего администратора, по своим привычкам и в обращении был прост, как Веспасиан. Империей правил в соответствии с её законами. Он придерживался мнения, что «лучше отпустить провинившегося, чем осудить невиновного». Траян основал несколько городов и украсил Рим новыми постройками «Forum Traianum», в который можно проникнуть через «Триумфальную Троянскую Арку», воздвигнутую в связи с покорением Дакии. Она считается архитектурным шедевром мира. Он заботился о правосудии, и вошел в историю под названием «Optimus», то есть - лучший.

Адриан Публий Элий, римский император (117-138 по Р.Х.) много вложил труда для внутреннего благоустройства страны и её армии, легионы которой были приведены в блестящий порядок. Издал свод законов. К христианам проявил веротерпимость. В Британии построил «Адрианов вал» длиной в 80 миль, отделяющий дикие племена Шотландии от Британии. Интересовался философией и науками; довольно часто посещал города и провинции империи. Будучи в Афинах, застал законы этого города в хаотическом состоянии. Тут же распорядился, вызвать из Рима специалистов - юристов, для их кодификации. При этих двух императорах Рим достиг своего зенита - это его золотой век.

Кроме императоров, Испания, дала Риму Сенеку - стойка, Марциала - сатирика, Лукана - поэта, Колумелу - посвятившего 12 томов агрокультуре, и риторика - Квинтилиана.

Агриппина Младшая (15-59 по Р.Х.) мать Нерона (37 - 68 по Р. Х.), от первого брака, поручила воспитание своего сына, будущего императора, философу-стойку Сенеке. Она была правнучкой императора Августа и сестрой императора Калигулы, который погиб во время состоявшегося на него покушения. Так как она была, по подозрению её брата, замешана в заговоре против него, она была им сослана на остров. После его убийства, новый император Клавдий (10 до Р.Х. - 54 после Р.Х.) вернул её из ссылки и вскоре на ней женился, предварительно заручившись согласием сената, ибо приходился ей дядею.

Это была его четвёртая жена, после пресловутой Мессалины, от которой у него был сын - Германикус или Британикус, как его тоже называли. Судьба зловещей Мессалины перекликается со злым роком Агриппины. Обе трагично кончили. Мессалина, чьё имя стало нарицательным, была казнена, а Агриппина была умерщвлена по приказанию её сына - Нерона. Одна из гадалок ей предсказала, что она погибнет от руки своего сына, на что она, нисколько не смутившись, ответила: «Пускай - лишь бы он царствовал». Помимо убийства матери, двух жён, Германикуса и целого ряда других политических убийств, на совести Нерона ещё и гибель двух Первоверховных Апостолов - Петра и Павла.

Первая его жена была дочерью императора Клавдия. Агриппине римские историки приписывают смерть Клавдия, которого она якобы отравила, чтобы очистить дорогу Нерону, при котором началось первое страшное гонение

на христиан. В 54 году он стал императором - правил 14 лет.

В 64 году вспыхнул пожар в Риме, который был ему нужен для постройки желтого дворца, по своим колоссальным размерам, требовавший массу места. В пожаре Рима Нерон обвинил христиан, которых жгли, превращая их в живые факелы для освещения Колизея, в котором целыми группами, прижавшись друг к другу, в ожидании ужасной участи были заживо поеданы дикими голодными зверями, находились христиане, туда согнанные безжалостными войнами, под улюлюканье и взрывы хохота кровавой толпы.

В 68 году Гальба, губернатор Испании, провозгласил себя императором, и был в этом утверждён Сенатом. Нерон - этот неудавшийся поэт, музыкант и артист, всеми оставленный, не смогший бежать перед арестом, покончил самоубийством, в чём ему помог его секретарь Эпафродит. Содрогаясь о своей горькой участи, и жалея себя, он воскликнул: «Мир - разве ты не видишь, какого артиста ты теряешь!» Это были его последние слова. Ему было 30 лет. Занавес опустился!

Испания, по сути дела, представляет собой несколько Испаний - настолько она разнообразна и пестра, как её история, география и климат. Эта загадочная страна или как её некоторые называли «terra incognita» - конгломерат целого ряда королевств и областей, порой враждовавших между собой, с их этнической и языковой спецификой. География Испании, как и древней Эллады, способствовала политической и языковой изоляции и фрагментации страны. Галиция, Арагон, Наварра, Каталония, Валенсия, Леон, Мурсия, Экстремадура, Астурия, Кастилия и Андалузия - тому пример, с их ярко выраженной индивидуальностью.

Испания как и Россия, находится на периферии Европы, лишь восемь миль отделяют её от Африки, а Пиренейские горы являются барьером, изолирующим её от Франции и остальной Европы. Испания как и Россия была под иноземным игмом, лишь с той разницей, что на «Reconquista» ушло семь веков, в то время, как русским понадобилось только четверть тысячелетия, чтобы высвободиться из-под татарского ига.

Граф А. Коновницын

Борис Ширяев

**ИТАЛИЯ
БЕЗ КОЛИЗЕЯ**

Редакторы-составители М. Талалай и Андрей Власенко.
Выписывать из: Торговый Дом Книги Москва:
<http://www.moscowbooks.ru/>
Или: Магазин Либрум:
<http://www.libroom.ru/>

ОСТОРОЖНО: ПРЕДАТЕЛИ! - СТОРОННИКИ ПУТИНИСТА СТРЕЛКОВА

Игорь Иванов-Лискин

Алексей Терзов

Армен Гаспарян

Сергей Волков

ПИСЬМА РЕДАКТОРУ

ГАЗЕТА-ТРУЖЕНИЦА

Дорогой Николай Леонидович! Хочу поздравить Вас с выходом 3000-го номера газеты. Не скрою от Вас и того, что мне очень приятно и лестно, что и сам я каким-то образом, в меру своих возможностей принимаю участие в создании газеты.

Вспоминаю, как когда-то, словно уже и в другой жизни, мы отмечали с коллегами 100-й выпуск нашей телепередачи.... Для нас тогда эта сотня казалась очень и очень значимым рубежом - а сейчас я пытаюсь представить, что такое ТРИ ТЫСЯЧИ еженедельных выпусков газеты... пытаюсь - и не могу! Просто, есть такие цифры и величины, что очень сложно осознать вот так, с ходу...

Задумываюсь: сколько же добрых, честных и талантливых людей принимало участие в создании газеты все эти годы, и скольких ещё людей на всех континентах «Наша Страна» все эти годы объединяла... Боже мой! Газета-труженица!...

За последние двадцать лет здесь, в бывшей России, мы видели немало газет, претендовавших на то, чтобы стать тем, чем была и осталась для нас, Белых, «Наша Страна»: то были очень амбициозные издания, с солидной полиграфической базой, и солидными денежными средствами... Где они сейчас? Кто помнит о них?... И почему так случилось, что все эти «русские вестники» сегодня преданы забвению? А всё очень просто: ни доставшаяся им в наследство издательская база КПСС, ни вложенные в их издание миллионы компартии не заменят ДУХА ПРАВДЫ, который есть у «Нашей Страны» - и которого нет и быть не может у вчерашних коммунист, в какие бы одежды они ни рядились.

Большое спасибо Вам - и всем, кто есть рядом с Вами!
Большое спасибо и земной

поклон каждому, кто все эти годы жертвовал на выпуск газеты, или оформлял лишнюю подписку, чтобы «Наша Страна» приходила СЮДА.

Роман Днепровский
(Россия)

ПРОВОКАЦИЯ

Дорогой Николай Леонидович! Похоже на то, что Вас действительно кто-то провоцирует в связи с РОВСом. А Вы, пожалуйста, не нервничайте! Берегите свое здоровье! Таких бойцов, как Вы, осталось совсем немного. Очень похоже, что вся эта

история с РОВСом затеяна с целью довести Вас до белого каления, так чтобы полопались сосуды, тогда некому будет мешать их неуклонно-поступательному процессу.

Это ведь такая больная тема для Вас, поэтому и надо эту рану ковырять.

А то Вы такая уже кость в горле с Вашей газетой, что надо от неё избавиться любыми способами.

А Вы, как человек православный, избрали такой Крест - терпеть и любить всех, вот и несите его спокойно и уверенно.

Геннадий Андреев (США)

ОТМЕЖЕВАНИЕ

Дорогой Николай Леонидович! Когда Вы прощупывали почву своей статьей от 9 августа с. г., еще было неясно, чего Стрелков хочет на самом деле. Вдруг и правда взорвет чекистов изнутри?

Стрелков назвал Вас провокатором. Тут бы белым выйти из игры и вывести своих людей, у кого еще были иллюзии. Однако руководство РОВСа дальше поддерживает Стрелкова. Зачем - непонятно, особенно в свете последних пропутинско-охранительских заявлений Стрелкова. Как бы не пришлось потом подчиненным Иванова-Лискина отмываться - и с большим ущербом для репутации.

Православные кумиров не сотворяют. Они поддерживают тех, кто соответствует их представлениям о правде и справедливости - до тех пор, пока соответствует.

А официозным охрентельством пусть занимаются гаспаряны за хорошую зарплату. Суть их заявлений хлестко выразил один блоггер: «Рейтинг Путина зашкаливает, а если не так, то будь ты проклят».

Выбор за каждым членом РОВСа - оставаться заложником такой ситуации или разорвать зависимость.

Для белых Путин никаким «главнокомандующим» не является и являться не может.

В общем, только время покажет как пройдет размежевание.

А. Шубин (Россия)

ОПЕРАЦИЯ "ТРЕСТ" № 2?

Маски пали. Иванов-Лискин и Терзов показали своё совковое лицо. Единственный вопрос: стали ли они предателями сейчас, или были ими с самого начала, а "РОВС в России" всегда являлся Операцией "Трест" № 2?

А. Босоволков (США)

НЕ ВЫБИРАЙ МЕЖДУ ДВУХ ЗОЛ!

**ЗА ТРЕТИЙ ПУТЬ ДЛЯ УКРАИНЫ,
ЗА ТРЕТИЙ ПУТЬ ДЛЯ ВСЕЙ РОССИИ!**